

Перед обителью Трех Владык красовалась надпись: «Зал Цинсинь». Застыв у порога, Фэй Пэн, не мигая, созерцал размашистые, дерзкие штрихи иероглифов. Наконец он обернулся и перевел взгляд на Шэнь-нуна.

Тот с легким удивлением и привычной беспечностью улыбнулся:

— Как ты догадался, что это писал я?

Фэй Пэн еще мгновение пристально смотрел на него, а затем звонко ответил:

— В этих знаках сквозит ленивая небрежность, за которой скрывается безудержная гордыня. Это не похоже на почерк Бога-Отца, да и на почерк Матушки тоже... — Он на секунду замялся. — Письмо Матушки наверняка изящное и чистое, но при этом острое, как клинок, верно?

— Какое тонкое чутье, — Нюйва рассмеялась и ласково взъерошила ему волосы. — Фу Си, не теряй времени. Фэй Пэн растет, и эта врожденная интуиция скоро начнет притупляться. Сейчас — лучший момент, чтобы превратить ее в основу для тайных техник.

В умелых руках простая способность чувствовать чужой стиль могла перерасти в искусство читать сердца — путь, отличный от того, что избрал Почтенный Демон Чжун Лоу с его жестоким и коварным расчетом.

Фу Си едва заметно улыбнулся:

— Это несложно. Сложнее сделать так, чтобы Фэй Пэн сам создал свой путь. Только тогда сила останется с ним навсегда.

Взяв Фэй Пэна за маленькую ручку, он повел его внутрь.

— Запомни одну истину: совершенства в любой технике может достичь лишь тот, кто её породил. Если хочешь прикоснуться к Великому Дао через чужие труды, тебе придется либо ломать их под себя, либо с самого начала ковать собственный метод, совершенствуя его шаг за шагом вместе со своим ростом. Только так можно достичь истинных высот.

Небесный Император посмотрел на него с бесконечным спокойствием:

— Как по-твоему, какой путь лучше?

— Конечно второй! — не раздумывая, выпалил Фэй Пэн. — Идя по чужим следам, даже обладая великой мощью, неизбежно попадешь под чужое влияние. А исправлять всё позже — слишком тяжкий труд. К тому же по дороге легко сбиться, впустую растратив время и талант.

Шэнь-нун и Нюйва, шедшие следом, обменялись понимающими взглядами. В эпоху материка Пань-гу, длившуюся пятьсот двадцать тысяч лет, почти каждое существо выбирало именно этот путь. И хотя многие гибли, не успев окрепнуть, горнило времени выковало из выживших истинных гениев. Всё потому, что они шли своей дорогой — с непоколебимым сердцем, через тернии и преграды, становясь опорой своих рас.

— Тогда держись этих слов, — Фу Си был явно доволен проникательностью мальчика, но решил добавить ложку дегтя: — И не жалея о своем выборе, когда обнаружишь, что твоя скорость развития уступает ученикам великих сект, практикующим древние техники. Смирение и покой в сердце — вот чего требует наше племя богов.

Пока они говорили, залы сменились светлой гостиной, в центре которой стоял массивный круглый стол, сохранивший дух древности. Фу Си непринужденно опустился на стул, Фэй Пэн послушно пристроился рядом, а Нюйва и Шэнь-нун с улыбками заняли свои места.

— Не буду! — звонко возразил Фэй Пэн. — Пусть другие бегут быстро, рано или поздно они упрутся в тупик. А я смогу двигаться вперед бесконечно, и этого достаточно. Верно ведь, Бог-Отец?

Он улыбнулся, и его синие глаза засияли, точно чистые родники. Строгая маска Фу Си дрогнула, и он не удержался — слегка ущипнул Фэй Пэна за щеку:

— Верно. Если кто-то из равных тебе по силе посмеет смеяться над твоей медлительностью или возрастом — не трать слова на ветер. Просто вызывай их на бой.

Он добавил с многозначительным видом:

— Те, кто идет своим путем, всегда превосходят в силе и реакции так называемых «избранников небес», способных сражаться лишь в рамках заученных приемов. Повалишь их всех на землю — и насмешки прекратятся сами собой.

Фэй Пэн замер, осознавая услышанное. Шэнь-нун лишь сочувственно покачал головой, думая о бедолагах, которым не повезет встретить Фэй Пэна в будущем, а взгляд Нюйвы устремился вдаль, словно она уже видела бури, что поднимутся в Тысяче Миров.

Фу Си с улыбкой подхватил ребенка на руки:

— Ты только родился, а день выдался суматошный. Ты, должно быть, устал? Иди отдыхать, а завтра утром я приду тебя будить.

Фэй Пэн покраснел и отвернулся, смущенный мыслью, что может проспать. Он кротко кивнул и позволил Фу Си унести себя.

Миновав боковую дверь главного зала, они оказались перед изумрудным озером. Небольшой изогнутый мостик вел к беседке на воде — место было удивительно живописным.

Фу Си шел неспешно. Фэй Пэн, глядя, как легкий ветерок гонит рябь по воде, не удержался и провел рукой в воздухе, словно дирижируя. К его изумлению, волны послушно разошлись шире. Заметив это, Фу Си с улыбкой щелкнул его по лбу.

Фэй Пэн виновато поджал губы и тут же спрятал руки, изображая паиньку, отчего Фу Си лишь беспомощно вздохнул:

— Если истратишь всю духовную силу, голова разболится. Ты ведь еще не умеешь её восполнять.

Синие глаза Фэй Пэна расширились. Фу Си коснулся плеча мальчика:

— Сходи завтра к зеркалу. Сейчас твоя Божественная метка Ветра и Облака поблекла, но к утру она снова засияет.

Фэй Пэн задумчиво кивнул и прижался к груди Фу Си. Тот ускорил шаг и вскоре остановился перед изящным теремом.

— Здесь ты будешь жить. Придумай название для своего павильона.

Фэй Пэн поднял глаза: табличка над входом была пуста. Мальчик долго мучился, его личико забавно сморщилось от напряжения, пока он наконец не выдал:

— Павильон Бишуй?

Фу Си бросил взгляд на озеро и деликатно кашлянул:

— Одна вода. Это не отражает твою принадлежность к стихии ветра.

— И то верно... — Фэй Пэн растерянно посмотрел на небо. — Бог-Отец, а как насчет павильона Люби?

«Лю» — как воплощение ветра, «Би» — как цвет воды.

Фу Си облегченно кивнул. Взмахнув рукой, он соткал из божественной силы кисть и начертал на табличке летящие иероглифы:

— Прекрасно. Пусть будет так.

Он едва не забыл, что Фэй Пэн живет на свете всего день и не обладает знаниями, которые Небесное Дао даровало существам древнего материка. Для такой крохи это название было верхом изобретательности.

В главном зале Нюйва едва сдерживала смех, отпивая чай огромными глотками, а Шэнь-нун и вовсе в изнеможении повалился на стол, сотрясаясь от беззвучного хохота. Они веселились еще добрых полчаса, радуясь, что Фэй Пэн не выбрал имя, которое в будущем стало бы для него позорным клеймом.

Когда Фу Си вернулся, уложив Фэй Пэна и объяснив ему правила дома, он застал друзей в прекрасном расположении духа. Сделав вид, что ничего не заметил, Небесный Император спокойно сел на свое место. Шэнь-нун шутливо ткнул его в бок:

— Эй, ты заметил? После этого перерождения характер Фэй Пэна сильно отличается от того, каким он был при своем первом рождении.

Фу Си промолчал, а Нюйва прищурилась:

— У него нет памяти, а значит, сейчас проявляется его истинная суть.

Она посмотрела на Фу Си:

— Различий всего два. Первое — тогда он был лишь наследником богов, созданным из половины твоей изначальной крови. Нынешнее же Дитя Ветра и Облака несет в себе твою очищенную эссенцию. Эта кровная связь неоспорима.

— Верно, — тихо вздохнул Фу Си. — И второе... Тогда я неустанно пытался создать божественного сына, но Дао не позволяло. В итоге мне дали Фэй Пэна. Когда я впервые увидел его... — он опустил взгляд, — в моей улыбке не было искренности. Лишь холодное принятие неизбежного.

— Дитя Ветра и Облака: девять частей ветра, одна — воды, — негромко произнес Шэнь-нун. — Его нрав сочетает в себе легкость ветра и мягкость воды. Но он вышел из Небесного Дао, и его чувствительность... Ты ведь уже это заметил?

Фу Си хотел что-то сказать, но промолчал. Шэнь-нун посмотрел на него, а затем резко встал:

— Схожу в Царство Демонов к Чжун Лоу. Он получил память Фэй Пэна и знает больше нашего.

Шэнь-нун вернулся удивительно быстро, и на его лице читалось явное недовольство.

— Держи, Фу Си. Чжун Лоу сказал, что это только для твоих глаз.

Шэнь-нун разочарованно пожал плечами — судя по всему, подсмотреть ему не удалось.

Перед глазами Фу Си поплыли образы...

Война Трех Рас. Дракониий зверь Я Юй, сын Чжу Луна, пал от руки Фэй Пэна. Поскольку Фэй Пэн часто видел Чжу Луна у Фу Си и почитал его как старшего, он, скрепя сердце, отправился к нему, чтобы вернуть душу сына. Но Чжу Лун был безразличен. Лишь мельком бросил холодное «о» и снова погрузился в сон.

Ничего не знающий Фэй Пэн застыл с душой зверя в руках. «Неужели ему совсем всё равно?» — едва слышно прошептал он. А на обратном пути неуверенно добавил, пытаясь утешить самого себя: «Наставник точно бы так не поступил...»

Фу Си зажмурился, его лицо исказилось от боли, но он не проронил ни слова. Следующее воспоминание пронзило его:

Полыхает пламя войны. Фэй Пэн, заманивший в ловушку Чжун Лоу и Чи Сяо, сам угодил в смертельную западню, расставленную молодым поколением зверей. Чудом вырвавшись и вернувшись к своим, он столкнулся с подозрением Совета Старейшин, которые обвинили его в предательстве, раз он выжил там, где другие погибли. Подавив гнев, Фэй Пэн открыл свою память, чтобы доказать верность, и остался восстанавливать силы в тылу.

Он залечивал раны и обучал юных богов. Но когда оставался один, в его глазах вспыхивала надежда, которая с каждым днем угасала, сменяясь глухой тоской.

...Наступил решающий момент войны. Чтобы не дать трем Владыкам окончательно рассориться, Фэй Пэн тайно отпустил Чжун Лоу, спасая расу зверей от истребления. После войны Совет судил его. И Фу Си, желая смирить его гордыню, накопленную за годы походов, позволил пятерым богам-демонам вынести «беспристрастный приговор».

Свет в синих глазах Фэй Пэна мгновенно померк. Он безропотно принял наказание — лишение всех титулов и долей в военной добыче. И лишь когда остался один, позволил себе проявить слабость, прошептав, что в конце концов он — всего лишь пешка в большой игре.

Прошло много времени. Осознав, как чувства Фэй Пэна к нему — от обожания до страха и, наконец, до полного безразличия — разрушались из-за недомолвок и его собственной погруженности в Дао, Фу Си сжал кулаки и тяжело вздохнул.

— Это не вина Фэй Пэна. Неудивительно, что он так резко реагировал на мое вмешательство в их дела с Чжун Лоу.

Маленькое недопонимание росло годами, превращаясь в пропасть. Лишь оказавшись в плену Дао, Фэй Пэн осознал истину, но привычка была сильнее — уважение в нем давно вытеснило

сыновнюю любовь.

Шэнь-нун коснулся плеча друга:

— Сейчас у тебя есть шанс. Между «Наставником» и «Отцом» огромная разница. Итог будет иным.

— Фэй Пэн на этот раз ведет себя куда естественнее, — Нюйва нежно улыбнулась. — В прошлый раз он с самого рождения чувствовал твоё отношение и подавлял свою натуру, стараясь быть идеальным. А ведь Дитя Ветра и Облака по сути своей — озорник. Сейчас он наконец ведет себя как настоящий ребенок.

Фу Си молча кивнул. Его божественное чувство коснулось уютной спальни, где крепко спал Фэй Пэн. Хотя в комнате было тепло, мальчик плотно закутался в одеяло и свернулся калачиком, обхватив колени руками — поза существа, не чувствующего себя в безопасности.

Фу Си негромко кашлянул:

— Он спит неправильно. Пойду поправлю.

Шэнь-нун и Нюйва с добрыми улыбками отпустили его. За окном серебристый месяц бросал причудливые тени на стены павильона. Ночной ветерок приносил прохладу, и сердца Трёх Владык наконец наполнились покоем.

<http://bllate.org/book/17396/1657346>